

DOI: 10.31857/S0130386424010028

© 2024 г. Д.С. БУКИН

**ОКРАШИВАЯ СТРАНУ В НАТИВНЫЕ ЦВЕТА: АНТИКВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ
ДЖОНА ЛИЛАНДА В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА АНГЛИИ 30–40-х годов XVI века**

Букин Данила Сергеевич — аспирант 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия).

E-mail: st086378@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5372-8845; Researcher ID: ABA-3161-2021

Аннотация. Антикварное историописание, оставаясь дискуссионной проблемой в современных исследованиях, рассматривается учеными-гуманитариями либо как своеобразный пролог к профессиональной науке XIX–XX вв., либо как уникальная форма исторической мысли периода раннего Нового времени. При этом большинство из них отдают предпочтение прежде всего «зрелому» антикварианизму, в то время как ранний этап формирования этой традиции, относящийся к первой половине XVI в., представлен в западных и отечественных работах в значительно меньшей степени. В этой связи творческое наследие Джона Лиланда, с именем которого связаны истоки антикварного историописания в Англии, приобретает особую актуальность. Предлагаемая вниманию читателя статья написана в русле современной исследовательской тенденции, направленной на раскрытие эвристического потенциала изучения политических и социокультурных оснований зарождения антикварного дискурса. Автор стремится определить роль интеллектуальной деятельности Лиланда в двух взаимосвязанных и наиболее актуальных для эпохи ранних Тюдоров процессах: имперском и национальном строительстве. Для реализации исследовательского замысла, во-первых, выявляются особенности генезиса имперской идеи в Средние века и ее трансформации в период правления Генриха VIII; во-вторых, анализируются творческие проекты Лиланда, целью которых являлась легитимация династических прав Тюдоров на «воссоздание» древней композитарной державы Британских островов; в-третьих, при опоре на теорию домодерного национализма швейцарского историка Каспара Хирши идентифицируются характеристики протонационального дискурса и признаки участия в нем английского антиквария. Основным источником исследования является «Новогоднее приношение» — письмо Лиланда Генриху VIII, в котором представлен план создания ряда сочинений, посвященных истории и географии Британии. Детальное изучение источника показывает, что рассматриваемые в нем литературные проекты были направлены, с одной стороны, на создание удовлетворяющего политические запросы Тюдоров образа их «империи», а с другой — на укрепление международного престижа конструируемого Лиландом «британского» коллективного субъекта.

Ключевые слова: Джон Лиланд, антиквариат, антикварианизм, империя, имперская идея, нация, Англия, Британия, Тюдоры, Генрих VIII, раннее Новое время.

D.S. Bukin

Painting the Nation in its Native Colours: John Leland's Antiquarian Projects in the Context of Imperial and National Building of England, 1530–1540

Danila Bukin, Saint-Petersburg State University, Institute of History (Saint-Petersburg, Russia).

E-mail: st086378@student.spbu.ru

ORCID: 0000-0001-5372-8845; Researcher ID: ABA-3161-2021

Abstract. In this article, the author concentrates on the intellectual projects of John Leland (1503–1552), the first antiquarian of early modern England. The origins of a certain tradition of English antiquarian historiography are connected with the name of this poet and polemicist. Today, researchers see heuristic potential in studying the political and socio-cultural foundations that led to the emergence of antiquarian discourse in the first half of the sixteenth century. The aim of the article is to define the role of John Leland's intellectual thought within two interrelated and most relevant processes for his time, namely the imperial and nation-building of England during Henry VIII's reign. In order to achieve his research goal, the author, firstly, identifies the peculiarities of the genesis of the imperial idea in the Middle Ages and its transformation during the reign of Henry VIII; secondly, analyses Leland's creative projects aimed at legitimising the Tudor dynastic rights to "recreate" the ancient composite monarchy of the British Isles; thirdly, drawing on the Swiss historian Caspar Hirschi's theory of pre-modern nationalism, identifies the characteristics of the proto-national discourse and the signs of the participation of the English antiquarian in it. The article is based on an analysis of John Leland's "New Year's Gift", a letter in which the sender informs the monarch of his plans to produce a series of works on the history and geography of Britain. The study shows that the envisaged projects were aimed not only at creating an image of the Tudor empire fulfilling dynastic political ambitions, but also at consistently glorifying the "British" collective subject.

Keywords: John Leland, antiquarians, antiquarianism, empire, imperial idea, nation, England, Britain, Tudors, Henry VIII, Early Modern period.

С середины прошлого столетия в гуманитарных науках наблюдается заметный интерес к феномену антикварного историописания¹ Англии раннего Нового времени. Начиная с работ итальянского специалиста по античной литературе Арнальдо Момильяно, отметившего роль антикварных штудий в процессе формирования исторического знания эпохи модерна², данное явление рассматривалось учеными как своеобразный пролог к профессиональной науке XIX–XX вв. В конце прошлого столетия обозначилась тенденция к отказу от подобного телеологичного взгляда в пользу восприятия антикварной традиции в качестве самостоятельного и нередуцируемого феномена исторической мысли периода раннего Нового времени. Как зарубежные (Дэниэл Вульф³, Ангус Вайн⁴), так и отечественные (С.Е. Фёдоров, А.А. Паламарчук, Е.А. Терентьева⁵) исследователи, придерживающиеся данного подхода, склонны помещать деятельность антиквариев в широкий социокультурный контекст эпохи, анализируя как роль свойственных ей общественно-политических и культурных процессов в формировании обсуждаемого дискурса, так и собственно антикварианизм как фактор трансформации этих процессов.

Следует отметить, что при изучении антикварного движения историки, независимо от их исследовательской позиции, чаще всего концентрировались на периоде конца XVI – первой половины XVII в., когда оно переживало свой расцвет и проходило процесс постепенной институционализации. Подобным перевесом в пользу изучения «зрелого» антикварианизма обусловлен тот факт, что в современной науке ранняя традиция антикварного историописания во многом остается *terra incognita*. Это особенно характерно для отечественной

¹ В рассматриваемый период антикварное историописание представляло собой особую форму исследований, опиравшихся не только на письменные свидетельства о прошлом, но и невербальные источники (обычаи, предания, топонимика и т.д.), а также материальные артефакты (данные нумизматики, сфрагистики, археологии и т.д.). От традиционных историков и хронистов антиквариев отличал не только более широкий круг используемых ими данных, но и «проблемный», а не хронологический подход к изложению материала, позволявший создавать нарративы, которые сегодня можно условно назвать примерами культурной, правовой, институциональной истории.

² Momigliano A.D. *Essays in Ancient and Modern Historiography*. Middletown, 1977.

³ Woolf D. *The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730*. Oxford, 2003.

⁴ Vine A. *In Defence of Time: Antiquarian Writing in Early Modern England*. Oxford, 2010.

⁵ Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Фёдоров С.Е. *Рождение национального историописания в Англии и Франции*. СПб., 2021.

историографии, лишь относительно недавно обратившейся к данной проблематике⁶. Новейшие научные работы, анализирующие различные аспекты творчества антиквариет первой половины XVI в., демонстрируют его высокий эвристический потенциал⁷.

Стремясь предложить актуальный взгляд на истоки обсуждаемого феномена, в настоящей статье автор впервые в российской и зарубежной исторической литературе рассматривает совокупность интеллектуальных проектов первого английского антиквариата раннего Нового времени Джона Лиланда (ок. 1503–1552) в контексте имперского и национального дискурсов, определявших характер строительства «британской» державы Генриха VIII (1509–1547). Предлагаемое вниманию читателя исследование дополняет корпус отечественных публикаций, посвященных поэтическим и полемическим сочинениям Лиланда (Е.В. Калмыкова, Д.В. Кирюхин⁸), а также его роли в зарождении антикварного историописания в Англии (С.Е. Фёдоров, А.А. Паламарчук, Е.А. Терентьева, В.В. Зверева⁹).

* * *

Ключевым для имперского проекта ранних Тюдоров считается 1533 г. — время принятия Акта об ограничении апелляций к Риму (The Act in Restraint of Appeals), или так называемого «Ограничительного акта», ставшего не только кульминацией конфликта короля Генриха VIII с Папским престолом, но и результатом многовекового стремления светских правителей Европы консолидировать политическую власть в своих руках. Документ свидетельствовал о переходе церковных юрисдикций, ранее принадлежавших Риму, в сферу компетенций английской монархии. Реализовать подобные абсолютистские претензии Тюдоров стало возможным благодаря рецепции имперской идеи, последовательно разрабатываемой в правовой мысли Античности и Средневековья. Неслучайно в преамбуле к Акту утверждалось, что «Англия является империей... управляемой одним высшим ... королем», обладающим «полной и всеохватной властью»¹⁰.

Концептуальные основания трансформации королевской короны в имперскую были разработаны уже в период классического Средневековья. Одним из ключевых достижений юридической мысли этого времени стало изобретение правовой максимы *rex in regno suo est imperator* («король является императором в своем королевстве»), согласно которой король обладал тем же объемом власти в границах своих владений, что и император в формально не имеющей границ и потому «мировой» империи. Ее возникновение стало возможным благодаря реактуализации позднеантичной традиции, ставившей знак равенства между монархической властью и властью римского принцепса, который, согласно «Дигестам» — «открытому» европейскими юристами на рубеже XI–XII вв. византийскому правовому кодексу

⁶ Зверева В.В. Антикварианизм XVI–XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 756–771; Паламарчук А.А., Фёдоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюгославянской Англии. СПб., 2015.

⁷ См., например: Mottram S. *Empire and Nation in Early English Renaissance Literature*. Cambridge, 2008; Schwyzer P. *Literature, Nationalism, and Memory in Early Modern England and Wales*. Cambridge, 2009.

⁸ Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 453–455; Кирюхин Д.В. Полемика придворных авторов Тюдоров Полидора Вергилия и Джона Лиланда о трактовке образа короля Артура // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. С. 23; *Его же*. Католическая церковь и Реформация в Англии глазами лебедя в речной поэме Дж. Лиланда «Κυγνεῖον ᾠσάν» («Cygneus cantio») // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. Вып. 1. С. 31–38.

⁹ Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Фёдоров С.Е. Указ. соч. С. 26–33; Зверева В.В. Указ. соч. С. 758–762.

¹⁰ Act in Restraint of Appeals (24 Hen. VIII, c. 12) // *The Reformation in England: to the accession of Elizabeth I* / eds A.G. Dickens, D. Carr. London, 1967. P. 55–57.

Юстиниана VI столетия, — был наделен высшей законодательной властью¹¹ и иммунитетом¹², освобождающим его от любых, в том числе внешних, юрисдикций.

Однако непосредственно в средневековой политической практике декларации имперского статуса чаще всего имели исключительно инклюзивный характер. Они ограничивались расширением институциональных возможностей власти монарха лишь внутри одного государства¹³. Кроме того, эти декларации признавали его верховенство лишь в светских вопросах¹⁴.

Новое понимание характера имперской власти, продемонстрированное в Ограничительном акте, сформировалось в период царствования Генриха VIII. Уже в начале своего правления он периодически высказывал соображения, согласно которым монарх является первым после Бога властителем в своем королевстве, поэтому должен главенствовать и над Церковью¹⁵. Как замечает британский специалист в области средневекового права Вальтер Ульман, Генрих VIII, вероятнее всего, вдохновлялся религиозной политикой первых христианских правителей Рима, в частности Константина Великого (306–337), при котором впервые обозначилась тенденция подчинения церковных структур светской власти¹⁶. Однако актуализации памяти о всемогущих императорах прошлого, очевидно, было недостаточно для столь радикальных шагов, как разрыв со Святым престолом и передача его юрисдикций короне. Непосредственным импульсом для подобных действий стал династический кризис, вызванный неспособностью супруги Генриха VIII Екатерины Арагонской произвести на свет наследника мужского пола и отказом папы Климента VII (1523–1534) аннулировать этот «бесплодный», с точки зрения короля, брачный союз.

Первоначально Генрих VIII рассчитывал разрешить конфликт с Римом в судебном порядке, доказав правомерность расторжения брака. Для реализации этого замысла он запросил юридическую поддержку у французских и итальянских правоведов, а также организовал поисковую группу, которая в 1529–1530 гг. работала в английских и зарубежных архивах, пытаясь найти любые возможные свидетельства правоты короля¹⁷. В конечном итоге поискам сопутствовал даже больший успех, чем предполагалось изначально. Их результатом стал сборник *Collectanea satis copiosa*¹⁸ («Достаточно полное собрание»), который впоследствии лег в основу Ограничительного акта.

Документальная база этого собрания исторических документов, включавшая цитаты из сочинений богословов и юристов, англосаксонские законодательные своды, средневековые парламентские статуты, выписки из трудов историков и хронистов, косвенно указывала на исходную историческую связь церковных прерогатив с королевским престолом¹⁹. Несмотря на количественную ограниченность и сомнительную достоверность некоторых представленных свидетельств, Генрих VIII посчитал имеющийся арсенал доводов достаточным для того, чтобы в 1533 г. провозгласить свою власть имперской. Это

¹¹ Дигесты Юстиниана-Digesta Iustiniani. Т. I. Кн. I–IV / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002. С. 115, 117.

¹² Там же. С. 113.

¹³ Фёдоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. № 1. С. 85–86.

¹⁴ Canning J. Law, sovereignty and corporation theory, 1300–1450 // The Cambridge History of Medieval Political Thought c.350–c.1450 / ed. J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 476.

¹⁵ Koebner H. The Imperial Crown of This Realm: Henry VIII, Constantine the Great and Polidore Vergil // Historical Research. 1953. Vol. 26. № 73. P. 30–31.

¹⁶ Ullmann W. "This Realm of England is an Empire" // The Journal of Ecclesiastical History. 1979. Vol. 30. № 2. P. 195–196.

¹⁷ Fox A., Guy J. Reassessing the Henrician Age: humanism, politics, and reform, 1500–1550. Oxford, 1986. P. 153.

¹⁸ British Library. MS. Cotton Cleo. E. VI. F. 1–178.

¹⁹ Nicholson G. The Act of Appeals and the English Reformation // Law and Government under the Tudors: Essays Presented to Sir Geoffrey Elton / eds C. Cross, D. Loades, J.J. Scarisbrick. Cambridge, 1988. P. 20–23.

позволило ему «вернуть» контроль над церковными институтами и впоследствии расторгнуть брак с Екатериной Арагонской, а также признать легитимность наследников от последующих супружеских союзов.

Хотя Ограничительный акт действительно содержал новые для своего времени подходы в толковании имперской идеи, речь о которых шла выше, в документе содержались и элементы классических для Античности и Средневековья представлений о ее сущности. Одним из таковых являлось «пространственное» понимание империи как территориально протяженного образования, включающего различные этнокультурные и этнополитические сообщества, подчиняющиеся власти единого правителя²⁰. Однако Англия признавалась таковой вовсе не по той причине, что она на тот момент демонстрировала этническое, правовое и культурное разнообразие, характерное для составной монархии, в которую входили территории, обладающие различной степенью автономности²¹. Об «имперском» устройстве державы Тюдоров свидетельствовали прежде всего неназванные в Акте «многочисленные древние [и] правдивые истории и хроники»²². За этими словами угадывается апелляция к сугубо феодальному статусу английского короля, которому, как демонстрировали вновь обнаруженные исторические тексты, в прошлом принесли оммаж правители Шотландии, Ирландии и Уэльса²³. Совокупность «забытых» феодальных прав английской монархии позволяла представить Генриха VIII верховным сюзереном нескольких входивших в состав государства этнополитических и этнокультурных сообществ и, следовательно, властителем «древней» британской композитарной державы, власть над отдельными субъектами которой только предстояло восстановить.

Претензии на «возрождение» подобного политического образования усиливались благодаря своеобразному переосмыслению мифологизированного прошлого Британских островов. Легитимность имперского статуса английского монарха и его притязаний на весь архипелаг основывалась на тексте легендарной *Historia Brittonum* («Истории бриттов»), созданном средневековым писателем Гальфридом Монмутским в 30-х годах XII в.²⁴ Со времени написания данного сочинения английских правителей всегда интересовали прежде всего политические события начального этапа британской истории, о которых повествует Гальфрид. По словам хрониста, после смерти Брута — легендарного потомка Энея и первого завоевателя острова — основанное им королевство было разделено между тремя его сыновьями, но при этом сохранило политическое единство²⁵. В изложенной Гальфридом легенде утверждалось, что из всех сыновей Брута старшим был тот, кто унаследовал земли, которые после англосаксонского завоевания Британии в V–VI вв. стали именоваться Англией. Именно это обстоятельство традиционно позволяло ее монархам свидетельствовать о своих исторических правах на доминирующее положение в политическом пространстве всего острова²⁶. Во времена тюдоровского правления «История бриттов» имела даже большее значение для короны, поскольку, согласно описанной в этом сочинении легенде, наличие у представителей правившей династии бриттских корней указывало на генетическое родство последних с древними властителями

²⁰ Pagden A. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500–c.1800*. London, 1998. P. 17.

²¹ О концепциях составных и композитарных монархий Средневековья и раннего Нового времени см.: Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0

²² Act in Restraint of Appeals... P. 55.

²³ Nicholson G. Op. cit. P. 24.

²⁴ Монмутский Г. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. с лат. А.С. Бобович. М., 2023.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Фёдоров С.Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Britaigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 202–203.

архипелага, что подчеркивало их претензии как на английский, так и на «британский» престол по праву рождения²⁷.

Одним из первых проектов в рамках раннетудоровского имперского строительства после принятия Ограничительного акта стала инвентаризация английских, ирландских и валлийских библиотек. Несмотря на обнаруженные в них до 1533 г. свидетельства имперского наследия, ресурсы короны, которые могли быть использованы для легитимации государственной и церковной политики Генриха VIII, оставались весьма ограниченными. Испытывая потребность в их пополнении, он вновь обратился к хранилищам британского прошлого. Для того чтобы оценить весь эвристический потенциал содержащихся в них книг и рукописей, очевидно, требовались способные и хорошо образованные люди. По мнению Генриха VIII, более всего для данного предприятия подходил Джон Лиланд — поэт, королевский библиотекарь и ревностный приверженец *studia antiquitatis* («учения древности»), заслуги и наследие которого впоследствии закрепили за ним славу «отца локальной истории и библиографии» Англии²⁸.

Официальные документы, свидетельствующие о королевском поручении Лиланду, до сих пор не обнаружены. О нем известно прежде всего со слов самого антиквария, который в письме 1546 г., адресованном монарху и представлявшем собой промежуточный отчет о результатах проделанной им работы, — так называемом «Новогоднем приношении»²⁹ — сообщал о содержании королевского приказа, времени его получения и основной задаче, стоявшей перед ним: «Ваше Величество, руководствуясь справедливыми соображениями, решило сподвигнуть меня, облеченного властью Вашего милостивого разрешения (имеется в виду некий документ. — Д.Б.), в XXV году Вашего достойного правления (1533 г. — Д.Б.) учинить поиск во всех библиотеках монастырей и колледжей Вашего благородного владения, с тем чтобы вырвать из мертвящей тьмы и вынести на живой свет памятники древних писателей других стран и Вашей собственной земли...»³⁰.

Предпринятые Лиландом антикварные изыскания, по его собственным словам, были обусловлены не столько желанием получить «благодарность потомков»³¹ за сохранение древних памятников литературы, сколько стремлением использовать эти памятники для того, чтобы «изгнать из... благочестивой страны всякого рода предрассудки и искусное учение своры римских епископов»³². Вероятно, именно этим обстоятельством определялась первоначальная мотивация королевского поручения. Как следует из письма, деятельность Лиланда по его выполнению оказалось весьма результативной. Антикварий утверждал, что в ходе поисков в многочисленных библиотеках королевства ему удалось найти большое количество печатных и рукописных изданий, которые «проливали свет на множество вещей, касающихся узурпированной власти Римского епископа и его сообщников, посмеявшихся насильственно умалять королевское достоинство»³³. Чтобы продемонстрировать результаты своих трудов, Лиланд планировал представить Генриху VIII созданный им в 1541 г. на основе обнаруженных материалов, но так и не опубликованный

²⁷ *Anglo S.* The British History in Early Tudor Propaganda // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1961. Vol. 44. № 1. P. 17–18.

²⁸ *Clarke A.L.* John Leland and King Henry VIII // *The Library*. 1911. Vol. 2. № 6. P. 145. К настоящему времени наиболее полная биография Лиланда написана ведущим исследователем его интеллектуального наследия, канадским историком Джеймсом Карли. См. его вступление к изданию: *Leland J.* De uiris illustribus: On Famous Men / ed. J.P. Carley. Oxford, 2010. P. XXI–CLX.

²⁹ В данной статье использован текст, изданный под редакцией Л. Тулмин-Смит, опиравшейся на рукописи Лиланда, в которых сохранились его заметки на полях. См.: *Leland J.* The Laborious Journey and Serche of John Leylande for Englandes Antiquities, Given of Hym as a Newe Yeares Gyfte to Kinge Henry the VIII // *The Itinerary of John Leland in or about the Years 1535–1543: Parts I to [XI]: in 5 vols.* Vol. 1. Parts I to III / ed. L. Toulmin Smith. London, 1907. P. XXXVII–XLIII.

³⁰ *Ibid.* P. XXXVIII.

³¹ *Leland J.* The Laborious Journey... P. XXXVIII.

³² *Ibidem.*

³³ *Ibidem.*

трактат «Антифилархия»³⁴, целями которого являлись обличение Папского престола, апология Реформации в Англии, и потому имплицитная легитимация расширительного толкования королевских prerogatives в церковной политике.

В то же время Лиланд усматривал в многочисленных древних и средневековых текстах, сокрытых в разных уголках страны, не только средства государственной пропаганды. Представляется, что изначально он должен был лишь описать содержание различных книгохранилищ Англии, отобрав при этом наиболее ценные печатные издания и рукописи для королевской библиотеки, но обстоятельства, связанные с религиозной политикой Генриха VIII, подтолкнули его к расширению первоначальных задач проекта. Переписка Лиланда с государственным секретарем Англии Томасом Кромвелем свидетельствует о том, что в 1536 г., т.е. вскоре после начала секуляризации церковных земель, королевский библиотечар обратился к последнему с просьбой о расширении возможностей по приобретению монастырских книжных коллекций³⁵. Как следует из уже процитированного письма монарху, Лиланд собирался не только описать, систематизировать и по мере возможности сохранить литературные произведения прошлого, но и создать на их основе подобие биобиблиографического справочника древних британских авторов, а также ряд других трудов по истории и географии Англии и Уэльса³⁶. Представляется, что подобное расширение задач, изначально поставленных перед Лиландом, позволило ему определять себя в качестве антиквара³⁷, т.е. знатока «национальной» древности во всем ее многообразии.

Что касается запланированной биобиблиографической работы, то Лиланд предполагал включить в нее имена тех авторов, которые ранее проживали «на Вашей (Генриха VIII. — Д.Б.) земле не только во времена римских императоров, но и когда бриттов покорили саксы, а затем норманны саксов»³⁸. При этом антикварий не ограничивался стремлением прославить Британский архипелаг, продемонстрировав его историко-культурную специфику. Современные исследователи рассматривают деятельность Лиланда в том числе как первую попытку создания «национальной» литературной традиции³⁹. Писателей, принадлежавших к разным направлениям и историческим эпохам, которых объединяло лишь то, что они когда-то жили в пределах границ владений Тюдоров, Лиланд намеревался представить символами не столько английской, сколько «британской» культуры. Эта культура должна была, по замыслу антиквара, ассоциироваться в глазах короля, его подданных и даже иностранцев в большей степени с «империей» Генриха VIII, чем с соответствующим географическим понятием.

Уже в этом можно обнаружить общий замысел Лиланда, пронизывающий, как станет очевидно впоследствии, все его творчество. Создание своего рода «культурной истории» тюдоровской «империи», конституировавшей собственную литературную традицию, являлось лишь первым шагом на пути формирования «британского» коллективного субъекта и последующего укрепления его международного престижа. Именно поэтому Лиланд завершает «Новогоднее приношение» характерным обещанием монарху: «Когда Ваша страна будет окрашена в нативные (*native*) цвета (курсив мой. — Д.Б.), весь мир узнает,

³⁴ Leland J. Antiphilarchia / ed. D.F. Sutton. Birmingham, 2020. URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/antiphil> (дата обращения: 25.06.23).

³⁵ Scattergood J. John Leland's Itinerary and the Identity of England // Sixteenth-century Identities / ed. A.J. Piesse. Manchester, 2001. P. 61.

³⁶ Leland J. The Laboryouse Journey... P. XXXIX–XLIII.

³⁷ Подпись автора в конце письма монарху гласит: «Это написал антикварий Джон Лиланд» (Joannes Lelandius Antiquarius scripsit). См.: Leland J. The Laboryouse Journey... P. XLIII.

³⁸ Ibid. P. XXXIX.

³⁹ См., например: Ross T. The Making of the English Literary Canon: From the Middle Ages to the Late Eighteenth Century. Montreal, 2000. P. 51–64; Simpson J. The Oxford English Literary History: in 13 vols. Vol. 2. 1350–1547: Reform and Cultural Revolution. Oxford, 2004. P. 7–33.

что ее славе нет равных»⁴⁰. Представив державу Генриха VIII в «исходном» облике, Лиланд намеревался указать на преемственность между тюдоровской монархией и древней Британией. Однако антикварием двигало не только желание создать такой образ своей страны, который бы соответствовал политическим запросам правящей династии, но и стремление наполнить этот образ «автохтонным» историко-культурным содержанием. Последнее свидетельствует о том, что его тексты являлись частью актуального для раннего Нового времени протонационального дискурса⁴¹. Лиланд, как и многие европейские интеллектуалы XVI столетия, пытался осмыслить понятие «национальной общности» и очертить его границы.

Как демонстрирует швейцарский историк Каспар Хирши в единственной на сегодняшний день работе, представляющей целостную конструктивистскую теорию домодерного национализма⁴², националистический импульс XV–XVI вв. стал результатом соперничества между наиболее могущественными монархиями Средневековья, каждая из которых стремилась воплотить в себе идеал универсальной империи. Неспособность примерно равных по силе соперников достичь этой цели традиционными средствами способствовала содержательной трансформации их конкуренции: к началу раннего Нового времени борьба за имперское достоинство стала подразумевать не только военнополитическую конфронтацию, но и противостояние на уровне символов. Стремясь утвердить свое право на соответствующий статус и в то же время повысить собственный международный авторитет, западноевропейские монархии стали приписывать себе исключительные моральные достоинства, а также духовные и материальные достижения, выделяющие их на фоне других политических образований⁴³. Важнейшими источниками столь необходимого при этом символического капитала часто представлялись именно автохтонность и древность страны. Закономерным следствием описанных процессов стало появление нарративов, в рамках которых этнотерриториальные сообщества мыслились как «национальные» коллективные субъекты⁴⁴. Создателями этих нарративов оказывались гуманистически образованные интеллектуалы, использовавшие классическую ученость для, с одной стороны, приумножения, а с другой — защиты «национальной чести» конструируемых общностей⁴⁵.

В этом контексте начатый Лиландом проект создания собрания сочинений британских авторов приобретал особое значение. Усматривая в древних текстах потенциальный источник символического капитала, умножавшего «национальную честь» нового коллективного субъекта, уже в переписке с Т. Кромвелем Лиланд отмечал, что они также «могли бы оказаться весьма полезными для (наших) учеников и сделали бы честь (honour) нашей стране...», в то же время напоминая адресату о вполне реальной возможности утраты этого ценного ресурса в ситуации острой «межнациональной» конкуренции: «Немцы, видя нашу поспешность и пренебрежительность, каждый день присылают к нам своих школьников, которые портят (сочинения древних авторов) и забирают из наших библиотек, возвращаясь домой и представляя их как достояние собственной страны»⁴⁶.

⁴⁰ Leland J. The Laboryouse Journey... P. XLII–XLIII. Под «нативным» (nativus) в данном контексте подразумевался естественный, исходный, автохтонный, неискаженный.

⁴¹ Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clio: Cross-cultural Approaches to Historiography / eds Q.E. Wang, F. Fillafer. New York, 2006. P. 77.

⁴² Hirschi C. The Origins of Nationalism: An Alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge, 2012.

⁴³ Ibid. P. 44.

⁴⁴ В рассматриваемый период многие авторы начинают употреблять древнее латинское понятие *natio* именно в этом смысле. См.: Ibid. P. 32.

⁴⁵ Ibid. P. 97, 119–179. О проекте «прославления» Германии немецкими гуманистами см., например: Strauss G. Topographical-Historical Method in Sixteenth-Century German Scholarship // Studies in the Renaissance. 1958. Vol. 5. P. 87–101.

⁴⁶ Цит. по: Scattergood J. Op. cit. P. 61.

Упомянутое в письме монарху намерение Лиланда опубликовать отдельные сочинения древних британских авторов⁴⁷ представляется в данном контексте совершенно закономерным. Антикварий считал, что эти произведения могли послужить делу «приумножения национальной чести» лишь после всеобъемлющей стилистической переработки, поскольку, по его словам, в своем оригинальном изложении они не обладали «изящным стилем» (*florishing style*)⁴⁸. В данном случае Лиланд, очевидно, намеревался привести сочинения древних и средневековых авторов в соответствие с актуальными для его эпохи требованиями *bonae litterae* (изящной словесности). Стремление к стилистической правке аутентичных литературных источников указывает на одну из особенностей протонационального дискурса эпохи Возрождения. Как отмечает К. Хирши, соответствие стандартам именно классической культуры рассматривалось в этот период как необходимое условие участия в международной конкуренции за «национальную честь», поскольку только таким образом соперники демонстрировали свою «цивилизованность» и связь с античным наследием (одновременно культурным и политическим, которые в Средневековье и раннее Новое время были концептуально взаимосвязаны)⁴⁹.

Планируя назвать первое из запланированных сочинений *De viris illustribus* («О выдающихся мужах»), Лиланд тем самым обозначил его связь с древним жанром биографической литературы. Собрание жизнеописаний великих британцев должно было, по мнению автора, сформировать в глазах просвещенной европейской общественности привлекательный образ державы Тюдоров как центра культуры и просвещения. Многочисленные примеры британской образованности, подтверждающие этот тезис, а также стилистическая красота текста Лиланда имели своей целью переубедить «немцев, как и самих итальянцев, которые полагают, как когда-то высокомерно считали греки, что любые нации (*nations*), кроме их собственной, невежественны и полуграмотны»⁵⁰.

Примечательно, что в список древних авторов Лиланд планировал включить нескольких британских монархов, обозначенных им как *principes eruditi* («ученые правители»). Судя по всему, эти персоналии должны были упоминаться и в запланированном им генеалогическом справочнике, посвященном «королям, королевам, их детям, графам, эрлам, лордам, капитанам и правителям этой земли»⁵¹, который Лиланд намеревался озаглавить *De Nobilitate Britannica* («О британском нобилитете»). Наименование справочника, отсылающее читателя к античной традиции дидактических жизнеописаний, указывало на то, что, подобно упомянутым выше сочинениям, он также предназначался для умножения «национальной чести» тюдоровской монархии. Демонстрируя примеры высокой образованности и благородного происхождения британцев, Лиланд стремился возвысить свою страну в глазах представителей других наций, которые должны были признать, что она «была прародительницей, кормилицей и... хранительницей великих и талантливых людей»⁵².

Помимо обозначенного в письме Генриху VIII намерения включить в сочинения «О выдающихся мужах» и «О британском нобилитете» таких англосаксонских и нормандских королей, как Альфред Великий (871–901), Этельстан (924–939) и Генрих I (1100–1135), Лиланд изъявлял желание, чтобы в обоих произведениях фигурировали и мифические бриттские правители, в частности Бладуд и Дунваллон Молмуций, а также римский император Константин Великий, которому средневековая традиция приписывала

⁴⁷ *Leland J. The Laboryouse Journey...* P. XXXVIII.

⁴⁸ *Ibidem*.

⁴⁹ *Hirshi C. Op. cit.* P. 41–44, 143.

⁵⁰ *Leland J. The Laboryouse Journey...* P. XXXIX.

⁵¹ *Ibid.* P. XLII.

⁵² *Ibidem*.

бриттское происхождение⁵³. Правление каждого из этих монархов переосмыслилось автором в контексте династического строительства державы Тюдоров. По словам самого Лиланда, жизнеописания предназначались в первую очередь для того, «чтобы все благородные мужи четко знали свое происхождение»⁵⁴. Этому замыслу должно было отвечать предполагаемое деление *De Nobilitate Britannica* на три книги, посвященные бриттским, англосаксонским и нормандским королям, соответственно. От всех этих монархов, по утверждению антиквария, вел происхождение сам Генрих VIII⁵⁵. Данное обстоятельство указывает не только на идеологическую значимость создаваемого Лиландом нарратива, но и на предполагаемую аудиторию, которая должна была состоять из представителей как «британской», так и континентальной знати.

Предложенная Лиландом генеалогическая конструкция должна была укрепить авторитет династии Тюдоров, продемонстрировав преемственность их власти, а также показать непрерывность «британской» монархической традиции и обосновать право короля Англии на империю и имперскую власть. В контексте реализации последней задачи особую актуальность могло приобрести указание на его родство с древними бриттскими правителями. Происхождение Тюдоров от потомков Брута должно было, по замыслу Лиланда, оправдать претензии Генриха VIII на восстановление утраченных прав и привилегий династии, что явилось бы важным шагом на пути создания «империи» (в форме «возрожденной» «британской» композитарной державы). В то же время ассоциации с первым христианским правителем Рима убеждали в правомерности реализации английским монархом независимой от внешних сил государственной политики в светских и духовных вопросах.

Следует отметить, что упоминание в письме королю англосаксонских и древних бриттских правителей, а также римского императора было во многом обусловлено и особенностями исторической концепции Лиланда. Указанием на преемственность от германских и кельтских королевств он намеревался «обеспечить» «британскую» монархию Генриха VIII (и соответствующий коллективный субъект) славным прошлым, включавшим как Средневековье, так и «национальную» древность. При этом модель ранней истории Британии, очевидно, была заимствована антикварием у Гальфрида Монмутского.

В глазах Лиланда нарратив Гальфрида как нельзя лучше подходил для проектов династического и национального строительства монархии Тюдоров. Для средневекового историка, как и для антиквария эпохи раннего Нового времени, древность выступала символом былой мощи, величия и славы Британии. В эпоху Реформации к этим смыслам добавилась полнота верховной власти светского правителя и духовная чистота независимой от Папского престола Бриттской церкви, возникшей, согласно древнему преданию, при содействии ближайших учеников Иисуса Христа⁵⁶. В данном контексте Лиланд стремился представить воцарение Тюдоров и религиозные преобразования Генриха VIII как начало восстановления древней композитарной державы Брута и его потомков. Себя же он позиционировал в качестве ее первого историографа. Именно Лиланд, по его собственному убеждению, должен был продемонстрировать миру истинное величие британцев и их родины, открыв «окно, которое впустит свет, отсутствовавший более тысячи лет, благодаря чему старая слава... знаменитой Британии снова засияет на весь мир»⁵⁷.

Концепция «британской» истории Лиланда должна была найти наиболее полное выражение в сочинении, которому он планировал дать название *De Antiquitate Britannica*

⁵³ Подробнее о происхождении этой традиции см.: *Фёдоров С.Е.* Рождение легенды о британском Константине // *История Британии: современные исследования* / отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2013. С. 47–58.

⁵⁴ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XLII.

⁵⁵ *Ibidem.*

⁵⁶ *Фёдоров С.Е.* Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История.* 2013. № 3. С. 80–81.

⁵⁷ *Leland J.* The Laboryouse Journey... P. XLII–XLIII.

(«О британской древности») или *Civilis Historia* («Гражданская история»)⁵⁸. В достаточно кратком описании этого предполагаемого труда, которое приводится в «Новогоднем приношении», автор определил свой замысел: он намеревался создать исторический текст, описывающий «истоки, развитие и памятные события главных городов и замков» каждого региона монархии Тюдоров⁵⁹. Принцип организации материала должен был отражать территориально-административное деление королевства: сочинение следовало разделить на столько глав, «сколько графств в Англии и королевских владений в Уэльсе... их будет примерно пятьдесят»⁶⁰. Еще шесть глав планировалось посвятить островам, принадлежавшим английской короне. Лиланд, таким образом, замышлял написать множество историй отдельных территориальных единиц «империи» Генриха VIII, совокупность которых должна была составлять ее общую историю.

Мотивация к написанию истории Британии в форме рассказа о прошлом ее регионов появилась, по словам Лиланда, в ходе инспекции монастырей Англии и Уэльса. Путешествуя по стране и изучая обнаруженные в библиотеках манускрипты, он «воспламенился страстью увидеть все части этого... королевства» и, сделав это, «приметил целый мир вещей, достойных памяти»⁶¹. В ходе длительных поездок Лиланд посетил все владения Генриха VIII, что позволило антикварию осознать единство страны, представлявшейся ему современным воплощением той самой державы, о существовании которой свидетельствует Гальфрид Монмутский. Созданием произведения, посвященного истории этой державы, Лиланд намеревался вновь воплотить в реальность идею «Британской империи».

В своих размышлениях о будущем сочинении «О британской древности» Лиланд опирался на традицию, которая также была связана с классической культурой. Он, как и многие другие антиквари, вдохновлялся трудами вновь открытых в эпоху Возрождения греческих и римских авторов. В этих сочинениях нередко сочеталось одновременно историческое, топографическое и этнографическое знание о пространстве, что позволяло читателям «конструировать» образы различных территорий, регионов, стран и народов. Известные Лиланду произведения Страбона, Диодора Сицилийского, Помпония Мелы и многих других античных авторов содержали древние названия «гаваней, рек, мысов, холмов, лесов, крупных и малых городов, замков и различных племен» Британии⁶², которые должны были стать «нативными цветами» на его «полотне». Кроме того, эти труды демонстрировали возможности нарративной модели, основанной на принципах хорографии. Она позволяла читателям как бы ментально переместиться в описываемые места, а писателям — наполнить создаваемый ландшафт определенным культурно-историческим содержанием⁶³.

Нарративная структура текста «О британской древности» должна была найти свое воплощение и в другой запланированной Лиландом и упомянутой им в «Новогоднем приношении» работе — полном топографическом описании Англии и Уэльса. При этом, в отличие от других проектов автора, данное произведение, вероятно, не предназначалось для публикации. Весьма скудная характеристика этого предполагаемого труда, название которого — *Liber de topographia Britanniae* («Книга о топографии Британии») — Лиланд обозначает лишь в заметках на полях письма, позволяет предположить, что для антиквари он не представлял самостоятельной ценности и, по всей видимости, должен был служить основой для иных проектов. «Книга о топографии Британии» задумывалась прежде

⁵⁸ Ibid. P. XLIII.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Ibidem.

⁶¹ Ibid. P. XLII.

⁶² Ibid. P. XLI. Помимо указанных античных писателей, Лиланд также упоминает Гая Юлия Цезаря, Тита Ливия, Плиния Старшего, Тацита, Фабия Пиктора, Птолемея, Секста Руфа, Аммиана Марцеллина, Гая Юлия Солина и Антонина, подразумевая под последним неизвестного автора указателя «Итинерарий Антонина Августа», созданного в период правления императора Каракаллы (198–217).

⁶³ Mendyk S. Early British Chorography // *The Sixteenth Century Journal*. 1986. Vol. 17. № 4. P. 459–460.

всего как словесное воплощение визуальной проекции королевства, которое позволило бы «гравёру или художнику создать копию на основе этого примера»⁶⁴. Иными словами, топографическое описание тюдоровской державы Лиланд воспринимал как исходную модель, на основании которой могла быть создана полная карта Британии. Подобная работа, по мысли автора, должна была соответствовать его собственной рукописной карте «мира и империи Англии»⁶⁵.

Стремление создать подобный труд Лиланд обосновывал желанием представить английскому монарху подарок, который бы всегда напоминал ему о сущности и масштабе его верховной власти. Антикварий проводил аналогии между Генрихом VIII и Карлом Великим, утверждая, что подобно тому, как франкский император имел в своей сокровищнице три стола, на которых располагалась обшитая серебром карта Константинополя, Рима и всего мира, так и английский король «станет обладателем Вашего (Генриха VIII. – Д.Б.) мира и империи Англии, вышитых серебром на квадратном столе»⁶⁶. Не лишне предположить, что в данном случае Лиланд вдохновлялся обнаруженной немецким гуманистом Конрадом Цельтисом (1459–1508) так называемой «Певтингеровой картой»⁶⁷, которая, согласно распространенной средневековой традиции, досталась германским императорам «в наследство» от римских принцев⁶⁸.

О том, как могла бы выглядеть так и не созданная карта Лиланда, можно составить примерное представление, определив жанровую специфику задуманной им работы. Ключ к пониманию этого содержится в описании антикварием предполагаемого труда, в рамках которого Лиланд, в частности, апеллировал к особому типу картографических материалов, известных в Античности и Средневековье под латинским названием *mappe mundi* («карты мира»). Целью подобных карт и сопровождающих их комментариев являлось не максимально точное воспроизводство географических координат, а скорее создание представления о целостности окружающего пространства. Им были свойственны наглядность и детальное описание местности. Этим во многом была обусловлена широкая популярность *mappe mundi* как в эпоху Античности, так и в Средние века. Как правило, они изображали всю ойкумену, наполненную актуальными для своей эпохи обозначениями и смыслами. *Mappe mundi* использовались как в практических, так и в пропагандистских целях. Римляне эпохи принципата рассматривали их не только в качестве дорожных путеводителей, но и как символы всемирного господства империи, тогда как христианские авторы с помощью таких карт утверждали библейскую картину мироздания⁶⁹.

По своим функциям карта Лиланда должна была соответствовать античным образцам. Антикварий пытался создать символ власти, аналогичный римским, который в то же время отражал бы современные ему политические реалии. Так, говоря о «мире и империи Англии», он использовал понятие «мир» для обозначения не всей ойкумены, а той территории, на которую распространялась (как фактически, так и номинально) власть английского монарха. Обозначая в заметках на полях «Новогоднего приношения» свой проект как *Descriptio totius Britanniae* («Описание всей Британии»), антикварий сознательно ограничивал пространственно-временные границы этого труда, стремясь утвердить идею

⁶⁴ Leland J. The Laboryouse Journey... P. XLI.

⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶ Ibidem.

⁶⁷ Хотя весьма маловероятно, что Лиланд видел на тот момент еще не опубликованную карту, он мог ознакомиться с ее описанием, например в «Истории Германии в трех книгах» известного немецкого историка и филолога Беатуса Ренануса. См.: *Mundt F. Beatus Rhenanus: Rerum Germanicarum libri tres* (1531): Ausgabe, Übersetzung, Studien. Tübingen, 2008. S. 2, 100, 132, 400.

⁶⁸ Albu E. The Medieval Peutinger Map. Cambridge, 2014. P. 13–14.

⁶⁹ Dilke O.A.W. Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography: in 6 vols. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / eds J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987. P. 252–256; Woodward D. Medieval Mappaemundi // Ibid. P. 334–342.

о том, что время, когда власть Рима охватывала фактически всю ойкумену, давно прошло, и теперь король Англии — истинный наследник властителей древности, обладающий имперским достоинством, — правит и своей державой, и принадлежащим ему по древнему праву «миром». Исходя из этих соображений, можно предположить, что задуманная Лиландом карта должна была представить в качестве единого целого фактические владения Тюдоров (Англия и Уэльс) и территории, входившие в сферу их «имперских» притязаний (Шотландия, Ирландия и, возможно, север Франции).

Идея создания текстовой версии карты в форме упомянутой ранее «Книги о топографии Британии» соответствовала не только желанию Лиланда превратить конструируемый им пространственный образ державы Генриха VIII в «более долговечный... чем вышитый в серебре»⁷⁰, но и задачам популяризации этого образа. Антикварий осознавал, что книгопечатание и постепенно расширяющаяся читательская аудитория предоставляют возможности для более массового распространения новых знаний⁷¹. Понимал он и то, что регулярное переиздание его собственной карты Британии, как и антикварных сочинений, имело бы в этом контексте особый пропагандистский эффект. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что картографический проект Лиланда имел целью создание наглядного символа масштабов имперской власти Тюдоров, о величии которой должны были знать не только король и его подданные, но и любой взглянувший на такую карту Британии иностранец, увидевший ее в одной из множества печатных книг.

Наряду с другими запланированными трудами антиквария, которые, однако, так и не увидели свет при жизни Лиланда (вскоре после отправки «Новогоднего приношения» он лишился рассудка и не смог завершить свои проекты), его карта должна была стать одним из многочисленных инструментов имперского и национального строительства Тюдоров. Если биобиблиографический справочник «О знаменитых мужах» предназначался для конституирования «британской» культурной традиции, а исторический трактат «О британской древности» — прошлого «империи» Генриха VIII, то карта «Описание всей Британии» могла бы дать представление о ее масштабах и границах. В совокупности с произведением «О британском нобилитете», замышлявшимся как генеалогия «британской» знати, все эти труды имели целью создание совершенно нового образа страны, призванного не только реализовать династические и имперские притязания Тюдоров, но и обеспечить легитимацию «британского» коллективного субъекта, который должен был предстать в глазах современников достойным наследником классического Рима и при этом самодостаточной, образованной и благородной «нацией».

Библиография / References

- Дигесты Юстиниана-Digesta Iustiniani. Т. I. Кн. I—IV / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002.
- Зверева В.В. Антикварианизм XVI—XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия — Восток — Запад / под. ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 756—771.
- Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010.
- Кириухин Д.В. Католическая церковь и Реформация в Англии глазами лебедя в речной поэме Дж. Лиланда «Κυκνεῖον ὄμμα» («Cygnea cantio») // Вестник Северо-Восточного государственного университета. История. 2020. Т. 1. Вып. 1. С. 31—38.
- Кириухин Д.В. Полемика придворных авторов Тюдоров Полидора Вергилия и Джона Лиланда о трактовке образа короля Артура // Вестник Мининского университета. 2013. № 2. С. 23.
- Монмутский Г. История бриттов. Жизнь Мерлина / пер. с лат. А.С. Бобович. М., 2023.
- Паламарчук А.А., Терентьева Е.А., Фёдоров С.Е. Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб., 2021.
- Паламарчук А.А., Фёдоров С.Е. Антикварный дискурс в раннеюэртонской Англии. СПб., 2015.

⁷⁰ Leland J. The Laboryouse Journey... P. XLI.

⁷¹ Eisenstein E.L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge, 1982. P. 3.

Фёдоров С.Е. «Restored to the Whole Empire & Name of Great Britaigne»: композитарная монархия и ее границы при первых Стюартах // Империи и этнонациональные государства в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2011. С. 202–224.

Фёдоров С.Е. Британская идентичность/идентичности в раннее Новое время // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. № 3. С. 75–81.

Фёдоров С.Е. Имперская идея и монархии к исходу Средних веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2013. № 1. С. 77–89.

Фёдоров С.Е. Рождение легенды о британском Константине // История Британии: современные исследования / отв. ред. М.П. Айзенштат. М., 2013. С. 47–58.

Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Британская композитарная монархия: верховная власть и этнокультурные процессы // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0

Digesty Iustiniana-Digesta Ivstiniani [The Digest of Justinian-Digesta Ivstiniani]. T. I. Kn. I–IV / per. s lat.; otv. red. L.L. Kofanov. Moskva, 2002. (In Russ.)

Fedorov S.E. “Restored to the Whole Empire & Name of Great Britaigne”: kompozitarnaia monarkhiia i ee granitsy pri pervykh Stiuartakh [“Restored to the Whole Empire & Name of Great Britaigne”: Composite monarchy and its borders under the first Stuarts] // Imperii i etnonacional’nye gosudarstva v Zapadnoi Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremia [Empires and ethnonational states of Western Europe in the Middle Ages and Early Modern Period] / pod red. N.A. Khachaturian. Moskva, 2011. S. 202–224. (In Russ.)

Fedorov S.E. Britanskaia identichnost’/identichnosti v rannee Novoe vremia [The British identity/identities in the Early Modern Period] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History]. 2013. № 3. S. 75–81. (In Russ.)

Fedorov S.E. Imperskaia ideia i monarkhii k iskhodu Srednikh vekov [The imperial idea and the monarchies at the end of the Middle Ages] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serii 2. Istoriia [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 2. History]. 2013. № 1. S. 77–89. (In Russ.)

Fedorov S.E. Rozhdenie legendy o britanskom Konstantine [The birth of the British Constantine legend] // Istoriia Britanii: sovremennye issledovaniia / otv. red. M.P. Aizenshtat [The history of Britain: contemporary studies / ed. M.P. Eisenstatt]. Moskva, 2013. S. 47–58. (In Russ.)

Fedorov S.E., Palamarchuk A.A. Britanskaia kompozitarnaia monarkhiia: verkhovnaia vlast’ i etnokul’turnye protsessy [The British Composite Monarchy: Supreme Power and Ethnocultural Processes] // Novaya i Novejschaya Istoriia [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 34–45. DOI: 10.31857/S013038640018557-0 (In Russ.)

Kalmykova E.V. Obrazy voyny v istoricheskikh predstavleniyakh aiglichen pozdnego Srednevekov’ia [Images of War and Perceptions of History in Late Medieval England]. Moskva, 2010. (In Russ.)

Kiryuhin D.V. Katolicheskaiia tserkov’ i Reformatsiia v Anglii glazami lebedia v rechnoi poeme Dzh. Lilanda “Κυγνειον ὄμμα” (“Cygnea cantio”) [The Catholic Church and the Reformation in England through the eyes of a swan in a River Poem “Κυγνειον ὄμμα” (“Cygnea cantio”) by J. Leland] // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia [Vestnik of North East State University. History]. 2020. T. I. Vyp. 1. S. 31–38. (In Russ.)

Kiryuhin D.V. Polemika pridvornykh avtorov Tiudorov Polidora Vergiliia i Dzhona Lilanda o traktovke obraza korolia Artura [Court Tudor Authors’ Polemics on King Arthur: Polydor Vergil and John Leland] // Vestnik Mininskogo universiteta [Vestnik of Minin University]. 2013. № 2. S. 23. (In Russ.)

Monmuskii G. Istoriia brittov. Zhizn’ Merlina [The History of the Britons. The Life of Merlin] / per. s lat. A.S. Bobovich. Moskva, 2023. (In Russ.)

Palamarchuk A.A., Fedorov S.E. Antikvarnyi diskurs v rannestiuartovskoi Anglii [The antiquarian discourse in the early Stuarts’ England]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)

Palamarchuk A.A., Terent’eva E.A., Fedorov S.E. Rozhdenie natsional’nogo istoriipisaniia v Anglii i Frantsii [The Birth of the National Historical Writing in England and France]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)

Zvereva V.V. Antikvarianizm XVI–XVII vekov: predstavlenie proshlogo v kontekste nauchnoi revoliutsii [Antiquarianism in the 16th–17th cc.: views of the past in the context of Scientific Revolution] // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniia: Rossiia – Vostok – Zapad [Images of time and historical representations: Russia – the East – the West] / pod red. L.P. Repinoi. Moskva, 2010. S. 756–771. (In Russ.)

Act in Restraint of Appeals (24 Hen. VIII, c. 12) // The Reformation in England: to the accession of Elizabeth I / eds A.G. Dickens, D. Carr. London, 1967. P. 55–57.

Albu E. The Medieval Peutinger Map. Cambridge, 2014.

Anglo S. The British History in Early Tudor Propaganda // Bulletin of the John Rylands Library. 1961. Vol. 44. № 1. P. 17–48.

Canning J. Law, sovereignty and corporation theory, 1300–1450 // The Cambridge History of Medieval Political Thought c.350–c.1450 / ed. J.H. Burns. Cambridge, 1991. P. 454–476.

Clarke A.L. John Leland and King Henry VIII // The Library. 1911. Vol. 2. № 6. P. 132–149.

Dilke O.A.W. Itineraries and Geographical Maps in the Early and Late Roman Empires // The History of Cartography: in 6 vols. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / eds J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987. P. 234–257.

Eisenstein E.L. The Printing Press as an Agent of Change: Communications and Cultural Transformations in Early Modern Europe. Cambridge, 1982.

Fox A., Guy J. Reassessing the Henrician Age: humanism, politics, and reform, 1500–1550. Oxford, 1986.

Hirschi C. The Origins of Nationalism: An Alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge, 2012.

Koebner H. The Imperial Crown of This Realm: Henry VIII, Constantine the Great and Polidore Vergil // Historical Research. 1953. Vol. 26. № 73. P. 29–52.

Leland J. Antiphilarchia / ed. D.F. Sutton. Birmingham, 2020 // URL: <https://philological.cal.bham.ac.uk/antiphil> (access date: 25.06.2023).

Leland J. De uiris illustribus: On Famous Men / ed. J.P. Carley. Oxford, 2010.

Leland J. The Laborious Journey and Serche of John Leylande for Englandes Antiquities, Given of Hym as a Newe Yeares Gyfte to Kinge Henry the VIII // The Itinerary of John Leland in or about the Years 1535–1543: Parts I to [XI]: in 5 vols. Vol. 1. Parts I to III / ed. L. Toulmin Smith. London, 1907. P. XXXVII–XLIII.

Mendyk S. Early British Chorography // The Sixteenth Century Journal. 1986. Vol. 17. № 4. P. 459–481.

Momigliano A.D. Essays in Ancient and Modern Historiography. Middletown, 1977.

Mottram S. Empire and Nation in Early English Renaissance Literature. Cambridge, 2008.

Mundt F. Beatus Rhenanus: Rerum Germanicarum libri tres (1531): Ausgabe, Übersetzung, Studien. Tübingen, 2008.

Nicholson G. The Act of Appeals and the English Reformation // Law and Government under the Tudors: Essays Presented to Sir Geoffrey Elton / eds C. Cross, D. Loades, J.J. Scarisbrick. Cambridge, 1988. P. 19–30.

Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c.1500–c.1800. London, 1998.

Ross T. The Making of the English Literary Canon: From the Middle Ages to the Late Eighteenth Century. Montreal, 2000.

Scattergood J. John Leland's Itinerary and the Identity of England // Sixteenth-century Identities / ed. A.J. Piesse. Manchester, 2001. P. 58–74.

Schwytzer P. Literature, Nationalism, and Memory in Early Modern England and Wales. Cambridge, 2009.

Simpson J. The Oxford English Literary History: in 13 vols. Vol. 2. 1350–1547: Reform and Cultural Revolution. Oxford, 2004.

Strauss G. Topographical-Historical Method in Sixteenth-Century German Scholarship // Studies in the Renaissance. 1958. Vol. 5. P. 87–101.

Ullmann W. “This Realm of England is an Empire” // The Journal of Ecclesiastical History. 1979. Vol. 30. № 2. P. 175–203.

Vine A. In Defiance of Time: Antiquarian Writing in Early Modern England. Oxford, 2010.

Woodward D. Medieval Mappaemundi // The History of Cartography: in 6 vols. Vol. 1. Cartography in Prehistoric, Ancient and Medieval Europe and the Mediterranean / eds J.B. Harley, D. Woodward. Chicago, 1987. P. 286–370.

Woolf D. Of Nations, Nationalism, and National Identity: Reflections on the Historiographic Organization of the Past // The Many Faces of Clío: Cross-cultural Approaches to Historiography / eds Q.E. Wang, F. Fillafer. New York, 2006. P. 71–103.

Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture, 1500–1730. Oxford, 2003.